

Игорь Кравченко РУССКИЙ ОСТРОВ

Этот остров у края России,
видно, Русским был назван не зря. Здесь косые дожди моросили и неяркая
тлела заря.

Стая ландышей летние росы
в белых клювах несла на весу.

На обрывах качались березы, сыроежки краснели в лесу.
От земли маслянистой и жирной поднимался туман до звезды, мельтешила
крылатая живность
у тяжелой от рыбы воды.

Так лежал неразгаданный остров, словно в поле оставленный плуг,
словно лемех отлаженный, острый, ждущий крепких и опытных рук.

Вился пул над полянами птичий,
плуг проваливался по рукоять...

Но издревле ведется обычай —
на границе дозором стоять.

И отложены плуг и лопата —
чернозем заковался в гранит,
и границы российские свято
этот остров столетье хранит.

Потому со скалистых утесов,
оттесняя орлов с высоты,
над телами российских матросов
сквозь туман проступали форты.

Полыхали над ними Стожары,
вышины голубые столбы,
словно отблеск великих пожаров,
славных дел и нелегкой судьбы.

Борис Лапузин УТРО В АРСЕНЬЕВЕ

В Арсеньеве пахло сиренью.
Едва возникал только день, распахнутый город Арсеньев расплескивал
щедро сирень.

И были улыбчивы лица.

Заря распалила очаг.

И птицы, и птицы, и птицы
качались на первых лучах:
за стаяй — веселая стая —
пернатый рассветный салют,
как будто тайга, отступая,
всех певчих оставила тут,

всю яркость, весь запах сирени... Клубился туман над рекой.

И утро на арфах строений
играло прелюд городской.
И солнце спешило лучиться,

в цехах разжигало огонь.
И город ликующим птицам
раскрыл трудовую ладонь.

Леонид Королев
БУХТА ЗОЛОТОЙ РОГ

Деревьями дыма огромная бухта дымит.
Вода замерзает. Бежит катерок в Диомид.
Огромные лайнеры, трубы, пространства раскрой. Великое время, я снова в
твоей мастерской.
Спеша на работу, от солнышка щурятся тут.
Обрезки эпохи в пять, десять, пятнадцать минут.
То здесь вдруг, то там — ярче зеркала —солнцем плеснет,
Быть может, вода загустевшая, может быть, лед.
Круги и овалы в соленой наметились мгле, И чайка стоит на тончайшем
ледовом стекле...

Геннадий Лысенко
ДО СНЕГА,
ЛЕТЯЩЕГО ВКОСЬ

Как житель Приморского края
я сдвинут на юго-восток,
но август, широты сверяя,
и мне пожелтевший листок
вверяет. А выглядит это
сквозь сетку рассветных лучей
осколочком электросвета —
залогом бессонных ночей.
Я выделил время на отсып
с приходом серебряных дней,
теперь же
и сны мои — способ познания.
Теперь мне видней,
что время идет без усилий,
без устали, издалека.
Вот солнце встает над Россией,
до пепла спалив облака.
Как буйствует поздняя зелень,
как светится вечная синь,
арбузы еще не спели,
еще не завяла полынь.
Но дымка становится сизой.
И женственной день ото дня
капризы погоды, сюрпризы.

Все это волнует меня.
Ну что еще может случиться?
Случалось при жизни моей
как детство топырит ключицы,
как осень — изгибы ветвей.
Что может еще приключиться? Случалась безлунная ночь,
и пса уводила волчица —
я сам был поплакать не прочь.
Случались дорожные сборы.
Работалось, пелось, спалось
до красной строки, до упора,
до снега, летящего вкось. * *

АЛЕКСАНДР РОМАНЕНКО ПРИМОРЬЕ

Нет, не случайно попал я сюда!
Жесткие крылья стрекоз как слюда Блещут на солнце и мерно
трепещут, Море спокойно, и медленно плещут
Волны на берег, шлифуя песок,— Это мой Дальний Восток!

Летом — сплошные туманы и морось, Белого лайнера плавная
скорость,
Город как чайка на синей воде— Этого не было больше нигде!
Лютное, яркое небо зимой,
Ветер неистовый и ледяной,
Осенью — свет, полыхающий всюду...
Нет, я тебя никогда не забуду!
Люди твои — моряки, китобои,
В неумолкающем шуме прибоя,
Мне, на прибрежной моей полосе, Необходимы вы все!
Нет оснований, предлога, причины
Мне отличиться от тысяч песчинок, Мыслящий камешек на берегу,
Жить я без вас не могу!
Радуешь ты меня или печалишь,
Любишь меня или не замечаешь,
Только тебе я принадлежу, .
Здесь я родился, тобой дорожу!
Воспринимаю все заново, кроме
Запаха моря с привкусом крови,
Напоминающим мне об одном — Как это было давно!
Древняя кровь моя, горько-соленая,
Жизнь и любовь моя — сине-зеленая
До горизонта сплошная вода...
Как я хочу возвращаться сюда!

РАИСА МОРОЗ СНАЧАЛА БЫЛО ПОБЕРЕЖЬЕ

Приморье — это означает
при море.

Морем и живем.

И где бы ни стоял мой дом —
воды полосочка живая
горит и гаснет за окном.

Оно всегда при мне,
во мне.

Живу я будто на волне:
то вверх несет меня течение,
то вдруг собьет — я в бездну рухну..

И место моего рожденья —
не город, не село, а бухта.

...На нитку берега в заливе нанизаны дома и пирсы.

В волне кипит июльский ливень.

Стоит почти сплошной стеной
июля щедрая вода.

А женщины,

все до одной, стоят у старой проходной,
ждут, как появятся суда
из-за темнеющего мыса.

Стога анфельции укрыты
брзентом, словно сено в поле.

На вешала цепляют рыбу,
отяжелевшую от соли.

Дымит коптильня как всегда,
и серебристая кета

блестит во тьме засольных чанов.

Ночная смена заступила.

А возле самого причала

не гасит тихий огонек

ночной рыбкооповский ларек:

соль, спички, папиросы, мыло

и хлеб ловецкий, хлеб ночной...

Тот берег навсегда со мной.

А в бухте детства все как прежде.

И море входит в каждый дом.

Я твердо знаю, что на свете сначала был простор и ветер,
сначала было побережье, а море, суша, все — потом.

Леонид Евсеевич Ещин
В ОЖЕРЕЛЬЕ ОГНЕЙ

Ожерельем янтарных огней
Опоясана даль кругом,
И покачивается над ней
Рыжий месяц, как будто гном.
А залив — червонный поток
С переливами синевы.
Нас несет к огням катерок.
В мире — кажется — я, да Вы.
И внизу машина стучит,
И срывается соль в лицо.
Это бухты ли Диомид
Бриллиантовое кольцо?
А налево — рубинов ряд.
Эго русский ли Остров там,
А не вышивки ли горят
По тяжелым, синим тафтам?
О, покоя хрустальнее нет...
Я от счастья дышать не могу.
Это Вы ведь багульника цвет
Прикололи мне к обшлагоу.

Сергей Холодный
СТИХИ О ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Ты приходишь на память все чаще и чаще.
Ты вплетаешься в сон мой, в движение стихов.
Океан. Корабли. Уссурийские чащи,
Красота твоих бухт, белизна облаков.
Далеко я, в чужих, неизведанных странах
Сплю под небом чужим и под кровлей чужой.
Помню солнце твое, и дожди, и туманы,
Помню каждый твой камень, помеченный мной.
Все моря к тебе сходятся, мачты качая,
Здесь Америка, Англия, Индокитай.
Золотой и богатый от края до края,
Я люблю тебя, мой расцветающий край.
Из страниц твоих книг и из подвигов громких,
Из воды, из ветров, что порою так злы,
Узнают о делах твоих предков потомки,
О делах легендарных, достойных хвалы.
Ты манил нераскрытой своей глубиной,
Шумом рек, неразгаданной тайной своей,
Полной зверя пушного душистой тайгою;
Жизнью странной затерянных в мире людей.

Ты искал настоящих хозяев и зодчих,
Ждал умелых и дерзких своих мастеров,
Чтоб из мрака тяжелой и каторжной ночи
Встать сияньем и шумом больших городов.
И когда я смотрю сквозь туман в твои дали,
Через все расстоянье огромной страны, —
Легкий парус плывет, глыбы брони и стали
Борздыт твои воды грозны и сильны.
Ты таким и Пояркову снился, наверно,
И Хабарову в сумраке прежних годин.

Годы двигались тихо, печально и мерно
В арестантских халатах на твой
Сахалин.

Ты кричал из застенка, ты рвался на волю
Светлой мыслью восстаний, дерзаний своих,
Чтобы лучшую светлую, яркую долю
Обрели твои люди и камни твои.
И когда над Россией вставали из рани
Дни рассветов и новых невиданных дел,
Ты по сопкам таежным ходил партизанить,
Ты горел еще в топках и шел на расстрел.
Но под солнечным небом в Отчизну вливаясь,
Ты навеки обрел свой блестящий удел,
Встал могуч и широк, и от края до края
Славой светлой и грозной своей загремел.
Так живи, украшай нашу славу и дело,
Двигай годы и грузы, води корабли,
Вставшим валом редутов и гордо, и смело
На восточной окраине нашей земли...
Я все вижу отсюда, из дыма и дали:
И матросов твоих и твоих рыбаков.
Небо синей, несказанно синей эмали,
Белизну невесомых твоих облаков.
В блиндаже тишина, спят друзья боевые,
Стелет ветер тугой боя копоть и дым,

Проплывают во сне моем мачты прямые Первобытных корветов по водам
твоим...

Вот «Паллада» идет, медь на пушках сверкает, Облака и туманы плывут и
плывут.

Вот «Варяг» из пучины бессмертный всплывает, Вот проходит Лазо, вот
матросы идут.

Ты приходишь на память все чаще и чаще,
Ты вплетаешься в сон мой, в движенье стихов. Океан. Корабли. Уссурийские
чащи,
Красота твоих бухт, белизна облаков.